

Киевский монархический съезд («Съезд консервативных деятелей Украины») 18—20 июля 1918 г.

А. А. Чемакин

Аннотация. Статья посвящена встрече южнорусских монархистов, проходившей в Киеве 18—20 июля 1918 г. под вывеской «съезда консервативных деятелей Украины». Съезд монархистов, ставший первым после отречения императора в марте 1917 г., дал свою оценку революционным событиям прошедшего года и предпринял ряд шагов по объединению консервативных сил Украины. Автор приводит различные оценки съезда, появившиеся на страницах газет, а затем, опираясь на сохранившиеся в ЦГАВО Украины и РГАСПИ протоколы заседаний, подробно рассказывает о его ходе. В статье приведены списки выступавших на съезде, краткое содержание их речей, а также резолюции по основным докладам. Отдельное внимание уделяется сведениям о записке П. Н. Дурново, приведенным одним из докладчиков.

Ключевые слова: монархисты, съезд консервативных деятелей Украины, Украинская держава, Киев, Ф. Н. Безак, Гражданская война, «записка Дурново».

Abstract. The paper is devoted to the meeting of South Russian monarchists, which took place in Kiev on 18—20 July 1918 under the guise of “the Congress of Ukrainian Conservatives”. It was the first congress after the Emperor’s abdication in March 1917. It presented its own view of the events of the 1917 Revolution and took some steps in the direction of the unification of Ukrainian conservative forces. The author cites various opinions about this congress from the press of the period. Using the minutes of the meetings which remain deposited in the Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine and the The Russian State Archive of Socio-Political History, the author provides the detailed account of the course of this congress. The article provides the lists of the speakers at the congress, the main content of their speeches, as well as the decisions regarding the main reports. Particular attention is paid to the information about P. N. Durnovo’s memorandum, which was provided by one of the speakers.

Key words: monarchists, Congress of Ukrainian Conservatives, Ukrainian State, Kiev, F. N. Bezak, Civil War, Durnovo’s memorandum.

До 1917 г. монархические съезды и совещания проводились с завидной регулярностью¹. Февральская революция, казалось бы, поставила точку в истории правого движения в России, но, несмотря на распад боль-

Чемакин Антон Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.chemakin@spbu.ru.

Chemakin Anton A. — candidate of historical sciences, senior lecturer at the Institute of History. St. Petersburg State University. E-mail: a.chemakin@spbu.ru.

шей части партий, монархисты продолжали свою деятельность и в годы Гражданской войны. Сохранилась и традиция проводить совещания и съезды, пусть и в ограниченном формате. Одним из таких мероприятий стал монархический съезд в Киеве 18—20 июля 1918 г. Приход к власти гетмана П. П. Скоропадского позволил местным монархистам выйти из подполья и провести первый со времени революции съезд, на который прибыли представители южнорусских губерний. Монархическое собрание проходило легально и с негласного разрешения гетманских властей, но из-за некоторых моментов, главным из которых была «самостийность» Украинской державы, не афишировалось и пряталось за вывеской «съезда консервативных деятелей Украины». В российской и украинской историографии нет работ, посвященных непосредственно этому съезду, хотя отдельные упоминания о нем встретить можно ².

Из-за того, что организаторы не стремились к публичности, первые известия о съезде появились в прессе уже тогда, когда он был близок к завершению. Наиболее подробная информация о ходе мероприятия была опубликована украинской газетой «Відродження». По ее сведениям, про съезд давно ходили слухи, но напасть на его след никому не удавалось, заседания были закрытыми для прессы и окутанными глубокой тайной. В конце концов якобы удалось выяснить, что съезд был организован киевскими монархистами во главе с бывшим киевским вице-губернатором Б. Д. Кашкаровым, также деятельное участие в его организации принял видный московский монархист — инженер В. Г. Орлов. Организационная группа съезда проводила свою подготовительную работу в помещении одного из своих деятелей на Большой Подвальной улице, причем в ней «деятельное участие принимал известный черносотенный журналист, который, между прочим, фигурирует все время в монархических кругах под чужой фамилией».

Зал для съезда был снят Кашкаровым в помещении 2-й женской епархиальной школы в доме № 12 на Трехсвятительской улице, в которой ранее проходили заседания Всеукраинского православного церковного собора. Каждый участник съезда, среди которых были как киевляне, так и москвичи, получал на руки входной билет за подписью Кашкарова, который проверялся при входе в зал заседаний, так что никто из «простых смертных» попасть туда не мог. Несмотря на это, из содержания заметки в украинской газете можно сделать вывод, что ее корреспонденту все же удалось проникнуть в зал или получить информацию от одного из участников. Сообщалось, что первое заседание началось 18 июля в час дня, на нем присутствовало до 70 человек, среди которых были «генералы и младшие русские офицеры, паны, несколько попов», над президиумом висел портрет Николая II. Члены съезда тихонько пропели «Боже, царя храни» и «Спаси Господи», после чего Кашкаров предложил выслушать доклады с мест. Речи черносотенцами произносились «с пеной и известным увлечением». 18 июля заседания закончились поздно ночью. На следующий день они продолжались с перерывом на обед. Большая часть участников была настроена непримиримо, господствовало течение, выступавшее за абсолютную монархию или военную диктатуру. Оппозиция в лице правых октябристов и националистов, участвовавших в работе съезда с правом совещательного голоса, защищала идею консти-

туционной монархии, считая, что восстановление самодержавия вернет Россию («Московщину», если следовать терминологии украинской газеты) к тому положению, которое привело к большевизму. После дебатов съезд принял резолюцию про необходимость завести тот правопорядок, который был до Февральской революции 1917 г., не касаясь вопроса о государственном устройстве. Эта резолюция примирила сторонников абсолютизма с конституционалистами.

Среди участников собрания, по сведениям «Відродження», были Катенин, Безак, Пеликан, К-ба, Ск., С. и другие, называвшие себя принадлежащими к «партии порядочных людей», присутствовали и кадеты. У здания, в котором проходил съезд, стояли три автомобиля, причем два из них с гербами Украинской державы, а один — с надписью «Житомир». Связано это было с тем, что в съезде заметную роль играло волынское губернское земство, представленное «гг. К., М. и тремя попами, приехавшими в Киев на земском автомобиле». Участники съезда, с которыми удалось поговорить журналистам, считали, что нужно созвать новый съезд, более многочисленный и с правильным представительством. Сотрудник «Відродження» также обратился к лицу, занимавшему высокий пост в Державной варте (Государственной страже), с вопросом, известно ли им про съезд, на что получил отрицательный ответ. «Не известно, распространяется ли на монархистов разрешение на собрания, но факт, что съезд московских монархистов — в столице самостийной державы — происходит», — с возмущением отмечала украинская газета.

У съезда, по информации «Відродження», были следующие цели:

«1) Организовать во всех городах Украины монархические “ячейки”, которые бы агитировали среди населения за установление монархии в России и объединение Украины с Россией в единое государство;

2) Организовать также ячейки в России и, учитывая то, что открыто агитировать в России за монархию небезопасно, ограничить деятельность этих “ячеек” только сбором средств среди сочувствующих граждан;

3) Употребить все средств, чтобы Николай II был выкраден из “лап большевиков”, или хлопотать перед немецким командованием сделать свободный выезд Николаю II за границу;

4) Видным монархистам как можно больше занимать посты в высших учреждениях Украинской державы, что облегчит подготовительную работу “ячеек”;

5) Предложить Николаю Николаевичу взять на себя обязанности руководителя монархическим бюро в Крыму и войти в сношения с генералом Сулькевичем;

6) Немедленно войти в сношения с чехословаками и генералом Алексеевым;

7) Вынесение “порицания” генералу Краснову за смену ориентации;

8) Выбрать исполнительный комитет из членов съезда, который должен остаться для руководства делами в г. Киеве»³.

Несмотря на то, что участники собрания, официально именовавшегося «всеукраинским съездом консервативных деятелей», не делали никаких публичных заявлений, направленных против украинской государственности, редакция «Відродження» отмечала, что «всеукраинскость», которая ранее служила «прикрытием для тайных целей и использовала

жовто-блакитные вывески как “защитный цвет”, теперь уже вполне очевидно скинула маску, переменилась во “всероссийскость” с красно-синими эмблемами». Впрочем, хотя авторы газеты постоянно твердили про «Московщину» и «московских монархистов», редакция была вынуждена признать, что съезд не был организован понаехавшим «черным вороньем»: «Мы уверены, что на съезде монархистов две трети, если не больше, было “малороссов с Полтавской губернии”. К тем “малороссам” только приезжают монархические паны с Московщины, чтобы объединить их, сорганизовать и велеть им только исполнить грязную и черную работу удушения украинской государственности»⁴.

«Робітнича газета» утверждала, что среди участников съезда есть бывшие сотрудники киевского «Двуглавого орла», а кроме того, «говорят, что эти заседания будут проводиться до тех пор, пока не будет провозглашен царь»⁵. Орган украинских социал-демократов возмущался тем, что крестьянские и рабочие съезды украинской демократии, твердо стоящей на почве украинской державности и выступающей против присоединения Украины к России, гетманскими властями запрещаются или разгоняются, а многие их участники даже попадают в тюрьмы; в это же время монархический съезд, выступающий за уничтожение украинского государства и восстановление Российской империи под скипетром монарха всероссийского, не встречает никаких препятствий. «Робітнича газета» интересовалась, нужно ли быть врагом украинской государственности, чтобы пользоваться правом на свободу собраний? Или, по мнению властей, благонадежными и заслуживающими доверия людьми являются, прежде всего, черносотенные сторонники «единой неделимой»?⁶

Внимание съезду уделили и другие печатные издания, хотя значительная часть их сообщений представляла собой перепечатку из «Відродження». «Киевская мысль» сообщала об участии в работе съезда бывших депутатов Государственной думы — октябристов Я.Г. Гололобова и М.А. Новицкого, правого Г.А. Шечкова, экс-члена Государственного совета «центриста» Н.Ф. Сухомлинова, бывшего одесского городского головы и председателя местного отдела Союза Михаила Архангела Б.А. Пеликана. Подготовкой съезда, по информации газеты, занималось организационное бюро во главе с Пеликаном, Гололобовым и другими видными деятелями, главный же центр объединившихся правых находится в Москве, во главе его стоят А.А. Римский-Корсаков и А.В. Кривошеин⁷. По сведениям газеты «Нова рада», в съезде также участвовали бывший депутат Государственной думы националист А.И. Савенко и экс-председатель Киевской губернской земской управы М.А. Суковкин⁸. В харьковской газете «Южный край» сообщалось, что прошедший в Киеве съезд — это «собрание украинской консервативной партии, представляющей собою замаскированных монархистов, съехавшихся из всех крупных губернских и уездных городов Украины»; среди них присутствовали и деятели харьковской монархической партии. На совещании были рассмотрены вопросы о местной и центральной власти, после чего единогласно вынесена резолюция о том, что «состав правительства не соответствует представлению о твердой власти», копия этой резолюции была передана гетману⁹. «Одесские новости» утверждали, что съезд, постановления которого хранятся в глубокой тайне, проходит под знаменем «В царе спасение России»,

а задача его — объединение монархических течений для осуществления лозунга «Единая неделимая Россия с царем во главе»¹⁰. Большая часть газет полагала, что в съезде участвуют как крайне правые, так и умеренно правые деятели. В противовес им харьковское «Возрождение» писало, что в съезде не принимали участия умеренные монархические круги, отнесшиеся к нему отрицательно «ввиду проявления им склонности к принятию крайних резолюций». Из-за крайней направленности съезда из его состава якобы даже вышли некоторые видные участники. «Хотя в конечном результате съездом и были приняты, по почину более благоразумного элемента, компромиссные резолюции, все же считать съезд выразителем взглядов монархических кругов нет оснований. Постановления съезда предположено огласить в печати», — заключала харьковская газета¹¹.

Заметки о съезде появились и в ряде других газет¹². Оригинальнее других к освещению съезда подошла эсеровская газета «Народное дело». Ее представителя, конечно же, в зал заседаний не пустили, но эсеры не сильно горевали и напечатали юмористический «отчет» о съезде, вобравший в себя все возможные стереотипы о монархистах:

«В Киеве уже третий день происходит монархический съезд. Вы понимаете мои репортерские страдания: “такой” съезд — и не попасть на него.

Для репортерского самолюбия слабое утешение в том, что даже и “Голос Киева”, и “Відродження” не имеют отчета. Один из наших репортеров не выдержал и помчался к своему приятелю Сашке Косому, ныне отчаянному самостийнику, а раньше буфетчику чайной Союза русского народа. “Опрокинул” по одной, другой — пропуск в карман. Поднялся в “помещение” — вот билет! Предъявил. — А вы не жид? — Я — офицер русской армии. — Ну мало разве генералов в большевистской армии! Читай “Отче Наш”!

Фу! — пролез. ... все старые знакомые: знаменитый одесский “муниципальный деятель”, недавний видный “администратор Юго-Западного края”, архиепископ... и зубры, зубры до бесконечности. А вот говорили — Беловежскую пушу вырубил!»

Съезд в представлении эсеровской газеты должен был выглядеть следующим образом: председатель каждую фразу кончает словами: «А мы требуем царя!», публика же вторит ему в ответ: «Царя!» Когда же председатель предлагает «строить платформу» и высказывать свои пожелания, начинается настоящий кавардак: «Землю возвратить! Земских начальников! Волостных старшин! И писаря! Сахарную нормировку! Водку с белой головкой! Г-г-го-ро-до-вого! Настоящего, не милицейского! Губернские правления! Черту оседлости! И процентную норму! Концессии! Ссуды! Бутерброды!» Председатель же на это замечает: «Господа! Нельзя же повторяться, ведь большинство требований уже осуществлено, будьте благоразумны»¹³.

Так кто же все-таки участвовал в киевском монархическом съезде? Что на нем обсуждалось и к каким решениям пришли его делегаты? Насколько адекватны те сообщения, которые появлялись на страницах прессы? Ответить на эти вопросы нам помогут, во-первых, брошюра с докладом, произнесенным одним из участников¹⁴, во-вторых, стенограммы самого съезда, сохранившиеся в фонде Министерства внутрен-

них дел Украинской державы (ф. 1216) в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины) и в собрании материалов по изданию истории Гражданской войны (ф. 71, оп. 35) в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Протоколы, хранящиеся в этих двух архивах, практически идентичны, за исключением того, что в ЦГАВО Украины есть не только машинописная стенограмма, но и краткий рукописный отчет о работе съезда, в РГАСПИ же имеется отсутствующая в украинском архиве стенограмма того доклада, который был опубликован в указанной выше брошюре.

Съезд, как и отмечалось в прессе, действительно проходил в помещении 2-го женского епархиального училища на Трехсвятительской, д. 12, поблизости от Софийского собора. 18 июля в первом часу дня, после прослушанного членами съезда в церкви училища молебствия, Ф.Н. Безак (а не Кашкаров, который в протоколах вообще ни разу не упоминается) объявил съезд открытым и предложил избрать председателя, его товарищей и секретаря. Председателем был избран сам Безак, товарищами председателя — А.А. Катенин и Н.Н. Родзевич, секретарем — Н.А. Жилин¹⁵. Нет ничего удивительно в том, что руководителем съезда стал Фёдор Николаевич Безак, в прошлом член Государственной думы и Государственного совета, киевский губернский предводитель дворянства, председатель киевского отдела Всероссийского национального союза (ВНС). Важны были не только его регалии, но и то, что он являлся близким другом П.П. Скоропадского, именно на его квартире скрывался будущий гетман незадолго до переворота¹⁶. По свидетельству начальника гетманского штаба генерального хорунжего Б.С. Стеллецкого, по утрам, во время одевания, Скоропадский «принимал самых интимных лиц, каковыми являлись еврей-портной и его полковой товарищ, местный помещик Безак», сообщавший «самые последние новости»¹⁷. Собственно, этим и объясняется тот факт, что гетманские власти никак не отреагировали на монархический съезд в самом центре Киева.

В протоколах съезда упоминаются экс-депутаты Государственной думы Ф.Н. Безак, профессор С.М. Богданов, А.С. Гижицкий, Н.А. Жилин (все — фракция русских националистов); бывший волынский губернский предводитель дворянства и председатель Волынской губернской земской управы Б.Н. Лелявский, профессор Г.Е. Рейн, Г.А. Шечков, К.М. Струков (все — фракция правых); представители высшей имперской бюрократии: бывший волынский губернатор П.В. Скаржинский, бывший начальник Главного управления по делам печати А.А. Катенин; делегаты от местных правых организаций: председатель Одесского союза русских людей Н.Н. Родзевич, представитель черниговского отдела Союза русского народа (СРН) Александров; помещики: один из лидеров Всеукраинского союза хлеборобов-собственников Б.Ф. Григоренко, бывший кобелякский уездный предводитель дворянства А.Ф. Фисенко, бывший переяславский уездный предводитель дворянства А.В. Стороженко; генерал-лейтенант А.А. Веселовский, епископ Чигиринский Никодим (Кротков), делегат от Могилевской губернии Н.А. Борисов, делегат от Черниговской губернии Фильчевский, некий Лебчук, назвавший себя представителем сельского населения, и еще два человека, обозначенные только именем и отче-

ством — Сергей Николаевич и Григорий Михайлович. Еще нескольких участников съезда затруднительно идентифицировать по причине того, что указаны только их фамилии без инициалов: Еленев (это может быть один из братьев-черносотенцев — Р.Ф. Еленев или С.Ф. Еленев), Репойто-Дубяго (вероятно, бывший тарашанский уездный предводитель дворянства И.И. Репойто-Дубяго или бывший начальник киевской сыскной полиции А.С. Репойто-Дубяго). Возникают вопросы и относительно представителя Екатеринославской губернии, обозначенного в рукописном отчете как Ф.А. Струков. Человека с такими инициалами нам обнаружить не удалось, зато можно предположить, что это мог быть крупный екатеринославский помещик, бывший губернский предводитель дворянства, член правой группы Государственного совета, председатель Постоянного совета объединенного дворянства А.П. Струков (ему шел 68-й год, и это вполне сочетается с тем, что во время съезда екатеринославский делегат жаловался на нездоровье и поэтому выступал сидя).

Можно сделать вывод, что ведущую роль на съезде играли представители правого крыла националистов (до 1917 г. порой именовавшиеся «балашевцами» — по фамилии лидера ВНС П.Н. Балашева), черносотенцы и южнорусские помещики, а также некоторые видные царские бюрократы. Упомянутые в прессе представители умеренных кругов (Гололобов, Новицкий, Сухомлинов, Савенко, Суковкин) и радикальный черносотенец Пеликан в протоколах не названы ни разу — если они и присутствовали на съезде, то в статусе не делегатов, а гостей. Вполне согласуется с этим сообщение А.И. Савенко, отправленное им в Добровольческую армию по линии тайной организации «Азбука». Так, по его сведениям, после гетманского переворота в Киеве образовалась правая группа, стремившаяся «к расширению своего влияния и к осуществлению своих политических планов при помощи немцев». Во главе нее стояла «пятерка»: Ф.Н. Безак, генерал-лейтенант князь А.Н. Долгоруков, А.А. Катенин, П.В. Скаржинский и бывший депутат Думы националист К.П. Григорович-Барский. В первой половине лета эта группа, несмотря на связь с немцами, пыталась сблизиться с умеренно правой «партией» В.В. Шульгина, ориентировавшейся на Антанту. Тогда же эта группа созвала секретный монархический съезд, проходивший в Свято-Троицком монастыре и закончившийся расколом (по всей видимости, это был скорее не съезд, а небольшое совещание правых деятелей, находившихся в Киеве). Группа крайне правых, руководимая Б.А. Пеликаном и бывшим государственным секретарем Украинской державы М.Л. Гижицким, обвинила группу Безака в «кадетизме» и «соглашательстве» (вероятно, за контакты с Шульгиным). В итоге крайне правые организовали отдельную группу, во главе которой также встала «пятерка»: Б.А. Пеликан, М.Л. Гижицкий, Е.Е. Котов-Коношенко, Г.А. Кочубей и К.И. Щегловитов. Эти две группы вели между собой борьбу, временами принимавшую острый характер. Наконец, во второй половине лета состоялся съезд группы Безака, «проходивший открыто» (видимо, в плане «открытости» его стоит сравнить с первым совещанием в монастыре, о котором пресса даже не узнала). После этого съезда между двумя группами было достигнуто компромиссное соглашение¹⁸. Таким образом, съезд 18—20 июля был организован «срединным» течением в монархическом движении Украи-

ны, находившимся между «умеренными» (Шульгин, Савенко) и «радикалами» (Пеликан, Гижицкий), что нисколько не противоречит тому, что и представители этих двух флангов могли присутствовать на мероприятии в качестве гостей.

С первым докладом выступил Ф.Н. Безак, описавший задачу, стоящую перед «консервативными деятелями Украины». По его словам, за прошедший год Россия была разрушена, и только на Украине появилась сила, способная противостоять революции, — гетманская власть. Следовательно, «люди порядка» должны «объединиться, помочь ей, этой власти, т.к. она представляет собой ту законность, без которой немыслимо существование никакого государства». Но как во время расцвета революции люди консервативных убеждений ничего не могли сделать из-за своей дезорганизации, так и теперь они обречены на неудачу, если будут действовать отдельными группами. Поэтому самую первую цель съезда Безак видел в организации и объединении всех тех, «которым дорога Родина, тех, которые страдают, вспоминая об ее былом величии». Председатель предложил выслушать все доклады и разбиться по секциям с целью их обсуждения, а затем вновь соединиться и приступить к общей работе¹⁹.

Второй доклад, посвященный «обзору текущих событий», был сделан бывшим волынским губернатором П.В. Скаржинским. Именно эту речь участники съезда посчитали ключевой и решили опубликовать (без указания авторства и с частично видоизмененным названием — «Обзор событий последнего времени»). Доклад представлял из себя подробное описание событий, предшествовавших революции, и был направлен, в первую очередь, против «прогрессивной общественности» и представителей либеральных партий — кадетов и октябристов. По мнению выступающего, именно они, действуя в интересах английской и американской plutократии, толкали Россию к войне против Германии, в то время как правые пытались не допустить этого рокового столкновения. Скаржинский делал вывод, что в России либерализм всегда равен англофильству, а консерватизм — англофобии. Более того, Февральская революция «была совершена никак не большевиками, даже не социалистами вообще», а «заботами и трудами нашей буржуазии, прогрессивной интеллигенции, либеральной аристократии», не большевики разрушили Россию, а прогрессисты и кадеты. Попытки же организовать «на англо-французские и американские деньги контрреволюции Корнилова, Брусилова, Каледина, Алексева, Савинкова и иных» провалились потому, что, будучи по существу контрреволюционерами, они призывали к восстановлению завоеваний революции. Теперь же наступает время определиться: тот, кто выступает за революцию, должен идти за большевиками, тот, кто выступает против нее, должен «отбросить все эти кадетские и либеральные шпаргалки, прекратить бормотание об ответственных министерствах, демократических массоправлениях, избирательных четыреххвостках, одаривании “бедных мужиков” чужой землей, и всякую тому подобную либеральную дребедень». При этом Скаржинский предупреждал о том, что моральные убийцы России теперь могут примазаться к монархизму, и советовал дать им отпор. Говоря о положении дел на Украине, оратор положительно отзывался о гетманском режиме как таковом, но к деятельности правитель-

ства Ф. А. Лизогуба, составленного «почти из одних общественных деятелей», отнесся критически²⁰.

В своем выступлении Скаржинский коснулся и пресловутой «записки Дурново», причем, по всей видимости, его речь стала одним из первых случаев публичного упоминания этого документа: «Ныне покойный П. Н. Дурново по поручению правых членов Государственного совета подал весной 1914 г. на Высочайшее Имя докладную записку, оказавшуюся поистине пророческой. П. Н. Дурново предсказал все гибельные последствия обуявшего Россию английского влияния, предсказал вытекающую из этого влияния неизбежность войны с Германией, вероятность поражения России и, как неизбежное следствие, предсказал революцию, которая начнется как политическая, быстро превратится в социальную, затем перейдет в анархию». Но, «к несчастью для России, голоса правых русских людей потонули в потоках воинствующего беснования и англо-русского ликования, обуявших прогрессивные круги нашего общества»²¹. Это заявление Скаржинского, сделанное в присутствии целого ряда видных консервативных деятелей, среди которых были несколько бывших членов правых фракций Госсовета и Госдумы, однозначно, на наш взгляд, свидетельствует о подлинности «записки Дурново»²².

Третий доклад, посвященный аграрному вопросу, сделал профессор С. М. Богданов. Отметив, что на съезде «правый лагерь получил возможность высказаться впервые после тех экспериментов, коим подверглась Великая Россия со времени революционного взрыва в начале прошлого года», выступающий обрушился на социалистические проекты решения земельной проблемы. Рассмотрев предложения по решению аграрного вопроса, содержащиеся в программах левых и либеральных партий, Богданов пришел к выводу, что все они являются демагогическими, а для самих этих партий отчуждение земли важно не потому, что может помочь сельскому населению улучшить жизнь, а потому, что оно дает возможность использовать крестьянские массы для достижения своих политических целей. В противовес им оратор защищал столыпинскую аграрную программу. Говоря об актуальных вопросах, стоящих перед Украинской державой, Богданов полагал, что нужны «бесповоротное решение о признании полного права собственности» и борьба с ее врагами, причем потрудиться на этом направлении придется не столько Министерству земледелия, сколько министерствам юстиции и внутренних дел. Он, как и предыдущий выступавший, одобрил курс гетмана на защиту права собственности, но раскритиковал некоторые решения правительства, например, установление максимума приобретаемой земли в 25 десятин²³.

Доклад Богданова был закончен в 16—00, после чего председатель объявил перерыв на 3 часа. Следующий доклад сделал А. В. Стороженко (по церковному вопросу), а затем, после еще одного перерыва, выступил Б. Ф. Григоренко (на тему «Борьба с анархией»). К сожалению, стенограммы этих докладов не сохранились. После выступлений председатель передал все заслушанные доклады в соответствующие секции съезда и попросил участников также разбиться на три группы (правобережную, левобережную и киевскую) для подготовки вопроса об организации, а затем объявил перерыв на один час. В 22—45 заседание возобновилось. Безак сообщил, что записалось 10 ораторов, желающих выступить с со-

общениями. Кроме того, поступило предложение послать приветственную телеграмму пану гетману, что и было исполнено. Профессор Г. Е. Рейн заявил, что представители Волынской, Подольской, Херсонской и Екатеринославской губерний не успели в достаточной мере обменяться мнениями и поэтому не готовы выступать с докладами о положении на местах. А. С. Гижицкий добавил, что если доклады с мест делаться будут прямо сейчас, то все равно необходимо предоставить возможность выступить и тем лицам, которые опоздали к первому дню съезда. В связи с этим председатель поставил на голосование вопрос, продлевать ли заседание или прервать его до следующего дня. Большинство проголосовало за второй вариант, после чего был объявлен перерыв²⁴.

19 июля заседание возобновилось в 10—30. Первое время председательствовал Катенин, затем его сменил Безак. Практически весь день был посвящен докладам о положении на местах. С речами выступили Шечков (Курская губерния), Фильчевский (Черниговская), Фисенко (Полтавская), Гижицкий (Подольская), Струков (Харьковская), Родзевич (Херсонская), Струков (Екатеринославская), Репойто-Дубяго (Киевская), Александров (Черниговская), Борисов (Могилевская). Все они жаловались на тяжелую обстановку в их губерниях, указывали на то, что успокоения так и не наступило, продолжают террор против хлеборобов и поджоги усадеб, бывшие комитетчики и деятели «спилок» гуляют на свободе, местная же власть совершенно не способна что-либо с этим сделать, и ситуацию пока спасает только присутствие немецких войск. Население порой вообще не понимает, кто является властью, центральные же органы не имеют связи с местами. К. М. Струков рассказал, что первоначально помещикам Старобельского уезда Харьковской губернии удалось при помощи немцев навести порядок, но затем появились украинские части, в рядах которых были «бывшие красногвардейцы, красноармейцы, китайцы, турки, грузины», и начались разоружение и избиение милиционеров, агитация против землевладельцев, киевские же власти ничего с этим поделать не могли или не хотели. Н. Н. Родзевич, отмечавший положительные явления, такие как рост правых организаций и возросшая религиозность населения, также полагал, что решительные меры по наведению порядка принимаются «иноземной властью», украинское же правительство даже противодействует этим мерам. Струков, делегат от Екатеринославской губернии, сообщал, что положение у них очень серьезное, ходят слухи о том, что бывшие деятели Центральной рады готовят восстание. А. С. Гижицкий, начавший выступление с заявления о том, что он является представителем Подольской губернии — «одной из самых консервативных губерний края», избиравшей в Думу «исключительно консервативный элемент», — предложил назначать на места консервативных администраторов, а не либералов, как это зачастую делает гетманское МВД. Представитель черниговского отдела СРН Александров заявил, что «в лице гетмана мы видим наместника царской власти, мы, конечно, будем приветствовать его, как вождя, стоящего за Россию, за русский язык». Он предложил просить у гетмана разрешения устраивать консервативные собрания на местах, которые будут вести борьбу против Керенского, «идущего под флагом союзных войск» и «стремящегося установить еврейский строй»²⁵.

По окончании выступлений Безак предложил членам съезда разбиться на четыре секции для обсуждения докладов Скаржинского, Богданова, Стороженко и Григоренко. Кроме того, было решено образовать еще одну секцию — военную. После обсуждения некоторых деталей Безак объявил перерыв до следующего дня, и делегаты разошлись по секциям и региональным группам ²⁶.

Во второй половине дня 19 июля в Киев пришли новости о том, что бывший император Николай II расстрелян в Екатеринбурге, поэтому изначальный план заседаний на 20 июля был скорректирован. В 11 часов утра Безак, объявивший съезду о страшной новости, опубликованной в газетах, сказал, что он обращался за справками к немецким властям, но те ответили, что им ничего не известно. Сам он полагал, что надежда еще не потеряна. Епископ Никодим передал Безаку, что в 12 часов в Софийском соборе митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий) отслужит панихиду, поэтому председатель предложил участникам съезда поприсутствовать на ней. Был объявлен перерыв, и делегаты отправились в собор ²⁷. «Был ... съезд монархистов, — вспоминал позднее Г.Е. Рейн. — Во время этого съезда пришло известие об убийстве государя и его семьи. Съезд в полном составе прошел в Софийский собор, где преосвященным Антонием была отслужена панихида и произнесена трогательная речь об усопшем императоре» ²⁸.

В целом реакция монархистов на сообщение о гибели монарха оказалась весьма сдержанной, и съезд так и не вынес никакой резолюции по этому поводу. В чем же было дело? За несколько недель до съезда Ф.Н. Безак и генерал А.Н. Долгоруков встречались с немецким офицером В. фон Альвенслебеном и обсуждали с ним планы спасения Николая II и его семьи. Немец сообщил, что между 16 и 20 июля распространится слух или известие об убийстве государя, но оно не должно их беспокоить. Сообщение это нужно для спасения императора, поэтому Альвенслебен попросил держать разговор в тайне и делать вид, что они поверили в смерть Николая. Утром 20 июля Долгоруков прочитал об убийстве в газетах, и тут же отправился на съезд, где встретил Безака. «Было все же решено служить в соборе панихиду, — вспоминал он. — Мне кажется, что многие, может быть, даже большинство не верило или плохо верило в достоверность печального известия. Многие обращались к нам с Безаком с вопросами. Положение наше было затруднительное. Мы не отрицали возможности спасения государя». О том, что Николай II действительно убит, Долгоруков узнал от Альвенслебена лишь в августе, во время же съезда его организаторы были уверены, что все происходящее является частью немецкого плана ²⁹. Этим и было вызвано такое, на первый взгляд, равнодушное отношение участников съезда к страшным для монархистов известиям.

Заседание возобновилось в 13—30. Слово было предоставлено Б.Н. Лелявскому, пожелавшему выступить по вопросу об объединении. Речь его весьма сильно отличалась от других выступлений на съезде. Во-первых, он усомнился в самом термине «консерваторы», утверждая, что на Руси никогда не было консерваторов, «остальные же, все те, кто назывался “правыми”, либо кто считал, но боялся себя называть таковыми, все эти консервативные по российскому расписанию деятели, будучи переса-

жены на политическое лоно Европы, угодили бы если не в левый сектор, то во всяком случае в свободомыслящий центр». Где вы видели, задавался вопросом он, чтобы истинные консерваторы вели борьбу с синдикатами, банками, капиталом, настаивали на ряде самых широких социальных реформ, становились на путь «государственного социализма», как правые в последней Думе? Поэтому, полагал Лелявский, собравшиеся на съезд являются не консерваторами, а «реалистами», которых не приводит в восторг принцип «народовластия» и которые никогда не боготворили народ. В отличие от многих других выступавших, он призывал к примирению с теми политическими противниками, «в сердцах которых теплится хотя бы искорка монархизма». Но прежде, чем сплотиться с ними, нужно объединиться между собой и создавать шаг за шагом в народе новую ориентацию — «во-первых, на Бога, как на стимул народной правды, во-вторых, на монарха, как на стимул порядка, и в-третьих, на собственность, как на стимул труда»³⁰.

После выступления Лелявского Безак объявил, что на вчерашнем заседании групп, обсуждавших вопрос об объединении, было решено образовать бюро, в которое войдут 33 человека: 21 представитель от губерний и городов (по 2 от Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской губерний и городов Киев и Одесса, 1 от Курской губернии, так как лишь несколько ее уездов вошли в состав Украины) и 12 «в высшей степени полезных деятелей», которые никакого отношения к губерниям не имеют. Один из региональных представителей должен был оставаться в Киеве, второй же находиться на месте³¹.

Председатель предупредил, что выборы будут произведены после обеденного перерыва путем подачи записок, а пока что предложил сделать доклад председателю военной секции съезда генерал-лейтенанту А.А. Веселовскому (есть сведения, что кроме него в состав секции входили генерал-лейтенант князь А.Н. Долгоруков и генерал-майор князь В.Г. Кантакузен, хотя в протоколах они не упоминаются³²). Перед выступлением Веселовский обратил внимание на то, что «все члены секции решительно отвергают мысль об убийстве государя» и надеются, что «Господь Бог сохранит нам на долгие годы жизнь обожаемого нами монарха на благо дорогой нам Родине»; после его слов раздались аплодисменты, и участники съезда встали с мест³³.

В своем выступлении Веселовский говорил, что «восстановление великого государства мыслимо лишь при создании сильной и твердой власти, которая не может осуществиться, не обладая непоколебимой, принудительной мощью». Поэтому государственная власть должна формироваться параллельно с созданием армии, душой и фундаментом которой является офицерский состав. Он призывал обратить внимание на тяжелое материальное положение офицерской массы и отмечал, что, если правительству в данный момент эта задача не под силу, то решение «ее должны взять на себя наиболее зрелые государственные круги общества»³⁴.

После его выступления съездом была принята резолюция военной секции: «Офицеры, остающиеся носителями идей доблестной Российской армии, несмотря на перенесенные тяжести войны, на системати-

чески против них направленные ужасы революции и на невзгоды затянувшегося государственного развала, глубоко верят в светлое будущее дорогой Родины и в скорое воссоздание единой неделимой России силами самого русского народа. Наступающее начало оздоровления народных масс заставляет всех, любящих дорогую Родину, быть в полной готовности послужить ей всеми силами, пользуясь, если понадобится, поддержкой тех иностранных государств, помощь которых послужит к скорейшему и прочнейшему восстановлению единого неделимого Российского государства, с наименее при том тяжелой расплатой за оказываемую поддержку. Не может быть сомнения, что великое Российское государство может восстановиться лишь под скипетром законного монарха». Еще раз повторив призыв поддерживать офицерство, авторы резолюции также призывали «оберечь офицеров, жаждущих подвига на благо Родины, от втягивания их безответственными вербовщиками и агитаторами во всевозможные авантюры под ложными лозунгами спасения Отечества»³⁵. Хотя в резолюции прямо не говорилось, какое иностранное государство может помочь России и кто такие эти «безответственные вербовщики», втягивающие офицерство в авантюры, всем было понятно, что речь идет, соответственно, о Германии и агитаторах Добровольческой армии. Один из белых агентов сообщал командованию, что на съезде «были попытки крайнего недоброжелательства к Добр[овольческой] арм[ии] вплоть до выражения недоверия и лишения поддержки»³⁶. Впрочем, киевские монархисты не хотели окончательно рвать с добровольцами. Веселовский рассказал агенту шульгинской «Азбуки» о планах по созданию монархической армии, которая будет формироваться на всей территории Украины с целью похода на Москву и немедленного восстановления монархии. При этом он поручил передать командованию Добровольческой армии, что будущая монархическая армия не будет ей противником, а по возможности даже окажет помощь. Более того, киевские монархисты «в конце ничего не имеют против подчинения армии генералу Алексееву». По словам главы Военной секции, обе армии «идут к одной и той же цели разными путями, но конец один — восстановление России и монархии», немецкая же ориентация не является определяющей, так как после взятия Москвы монархисты «будут одинаково торговаться и с Германией, и с союзниками, и примут те условия, которые будут выгоднее»³⁷.

При обсуждении доклада Скаржинского Н.Н. Родзевич предложил заклеить позором М.В. Родзянко, П.Н. Милюкова и других «первых борцов революции», которые выпустили из тюрем извергов и отдали в их руки судьбу царя. Делегаты наградили его аплодисментами, после чего приняли резолюцию по докладу Скаржинского³⁸, которая стала ключевым документом съезда: «Выслушав доклад и разделяя вполне его положения, съезд находит нужным решительно осудить так называемую русскую революцию и заклеить позором всех ее деятелей и вдохновителей. Нормальная государственная жизнь страны, по мнению съезда, остановилась 27 февраля 1917 г., и потому восстановление всякой государственной жизни должно исходить от этого момента. Пресловутые завоевания революции должны быть решительно отвергнуты». Но вместе с тем съезд признавал, что «вопрос жизни отдельных государств должен быть разрешаем лишь в связи с общим мировым политическим положе-

нием», и потому лозунгу объединения социалистических и радикальных сил противопоставлял лозунг сплочения всех тех, «на чистом знамени которых написано “Боже, храни Монарха, Милостью Твоего поставленного”». Исходя из этого, съезд консервативных деятелей Украины, «форма правления которой наиболее близка к монархической», считал нужным завязать и поддерживать тесные связи с правительствами, партиями и организациями всех народов, исповедующих и проводящих в жизнь эти начала³⁹.

Секция, готовившая резолюцию, также предложила возбудить перед гетманом ходатайство о том, чтобы он дипломатическим путем поспособствовал освобождению томящегося в московской тюрьме «одного из выдающихся деятелей Украины» — И. Г. Щегловитова. Безак объяснил, что он уже говорил по этому вопросу с гетманом, и тот обещал свое содействие; затем был объявлен перерыв до 18—00. После перерыва были приняты резолюции по докладам Стороженко, Богданова и Григоренко. Резолюция по первому докладу не вызвала обсуждений, по второму и третьему высказались ряд делегатов, предлагая свои дополнения. Итоговые документы содержали резкую критику правительства Украины из-за его земельной политики и неспособности наладить власть на местах⁴⁰.

В завершение съезда были оглашены результаты выборов в бюро, к сожалению, не нашедшие отражения в протоколе. По данным киевского агента Добровольческой армии, собранным по состоянию на октябрь 1918 г., в городе действовал «Совет консервативных деятелей на Украине», поддерживавший контакты и с германским командованием, и с гетманским правительством, но при этом имевший «больше агитационное и информационное значение»⁴¹. В этот Совет, сформированный на летнем съезде, входили Ф. Н. Безак (председатель), А. А. Катенин, П. В. Скаржинский, Г. Е. Рейн, А. А. Веселовский, Д. В. Туткевич, А. В. Стороженко, Г. А. Кочубей, А. С. Гижицкий, С. М. Богданов, Г. А. Шечков, граф А. А. Коновницын, Еленев, Дыбенко и Хоменко. Очевидно, что список неполон, и к тому же в нем имеется ряд неточностей: так, по приведенным выше сведениям, Кочубей был сторонником Пеликана, а упоминание некоего Дыбенко, вероятно, является недоразумением, имелся же в виду Дубяго. Так или иначе, организация украинских консерваторов на съезде была создана, и у нее даже имелся свой устав⁴².

После оглашения результатов голосования было предложено довести резолюции до пана гетмана, а Родзевич поблагодарил организаторов съезда за его организацию и председателя за умелое руководство работой. В заключительном слове Безак отметил, что съезд не был многочленным, так как многие не смогли приехать в Киев из-за железнодорожной забастовки, но, по его мнению, итог работы был удовлетворительным. Он призвал всех энергично будить «спящих наших единомышленников на местах», и тогда «миллионы голосов поддержат то, что мы говорим и думаем». На этом «Всеукраинский съезд консервативных деятелей» был объявлен закрытым⁴³.

Хотя, по словам Г. Е. Рейна, усилия съезда «никаких практических результатов не имели»⁴⁴, он все же стал первым за долгое время относительно масштабным форумом монархистов. На нем были сделаны шаги

по организации правых сил Юга России, освещены наиболее актуальные вопросы: необходимость возвращения к дофевральским порядкам и продолжения столыпинской политики в аграрном вопросе, поддержка гетманского режима, как наиболее близкого к монархическому, но при критическом отношении к украинскому правительству, курс на сотрудничество с немцами, планы по созданию на Украине монархической армии для свержения большевиков. Появившиеся в прессе сообщения о том, что съезд решил обратиться к чехословакам или осудил П. Н. Краснова за «смену ориентации», очевидно, были выдуманы украинцами с целью дискредитировать монархистов перед лицом германских оккупационных властей (один из делегатов, объяснявший необходимость напечатать решения съезда, отметил: «... мы успели уже попасть на страницы желтой прессы, и наши постановления искажены»⁴⁵). Также стенограммы не подтверждают (хотя и не опровергают) газетные сообщения об участии в съезде инженера В. Г. Орлова или связи киевских монархистов с московской организацией А. В. Кривошеина и А. А. Римского-Корсакова (очевидно, речь идет о т. н. «Правом центре»).

Важным было и то, что съезд predetermined дальнейшее поведение группы Безака. Если до этого она пыталась лавировать между умеренными монархистами, ориентировавшимися на Антанту, и крайне правой группой, теснейшим образом связанной с немцами, теперь ей пришлось делать выбор. Выступления, прозвучавшие на съезде и выдержанные в антилиберальном и «реакционном» духе, сняли с «безаковцев» все подозрения в «кадетизме» и поспособствовали возобновлению сотрудничества с группой Пеликана. Впрочем, вряд ли могло быть иначе, так как, несмотря на имеющиеся противоречия, обе группы объединяла немецкая ориентация. Несколько недель спустя после съезда будет создан Монархический блок Украины, в совет которого войдут Ф. Н. Безак, князь А. Н. Долгорукий, граф А. А. Бобринский, А. А. Катенин, П. В. Скаржинский, К. П. Григорович-Барский, А. В. Стороженко, М. Л. Гижицкий, Е. Е. Котов-Коношенко, профессор А. С. Вязигин, Б. А. Пеликан, Н. Н. Родзевич, К. И. Щегловитов, Г. А. Кочубей и др.; председателем совета станет недавно приехавший из Петрограда бывший товарищ председателя Главного совета СРН В. П. Соколов⁴⁶. На протяжении последующих месяцев Монархический блок будет играть заметную роль в политической жизни Юга России, примет участие в формировании Астраханской армии, а в ноябре-декабре 1918 г., во время обороны Киева от войск Директории, фактически возьмет власть в городе в свои руки.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20—09—00414 «“Богдановцы против мазепинцев”»: русское движение Киева в 1917—1919 гг.» Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20—09—00414.

1. Правые партии. 1905—1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. М. 1998.
2. ФЕДЮК В. П. Украина в 1918 году. Гетман П. П. Скоропадский. Ярославль, 1993, с. 43; Украина: хроніка ХХ століття. Довідкове видання. Рік 1918. / Упоряд. А. П. Гриценко, О. Й. Щусь. Київ. 2005, с. 271—272; ПИРИГ Р. Гетьманат Павла Скоропадського і російський монархічний рух в Україні (квітень—грудень 1918 р.) В кн.: Проблеми вивчення

- історії Української революції 1917—1921 років. Збірник наукових статей. Вип. 5. Київ, 2010, с. 185.
3. З'їзд монархистів. — Відодження. 1918, 20 (7) липня, № 91, с. 3; До з'їзду монархистів. — Там же. 1918, 21 (8) липня, № 92, с. 3; 3. Закриття з'їзду монархистів. — Там же. 1918, 23 (10) липня, № 93, с. 4.
 4. [Передова стаття від 24 липня.] — Відродження. 1918, 24 (11) липня, № 94, с. 1.
 5. Монархисті не сплять. — Робітничка газета. 1918, 20 липня, № 322, с. 3.
 6. В.С. З'їзд монархистів. — Робітничка газета. 1918, 23 липня, № 324, с. 2.
 7. Съезд монархистов. — Киевская мысль. 1918, 21 (8) июля, № 117, с. 2; Закрытие съезда монархистов. — Там же. 1918, 24 (11) июля, № 119, с. 2.
 8. З'їзд монархистів. — Нова рада. 1918, 21 (8) липня, № 120, с. 3.
 9. Украинская консервативная партия. — Южный край. 1918, 25 июля, № 83, с. 2.
 10. Съезд монархистов. — Одесские новости. 1918, 21 (8) июля, № 10748, с. 2; Съезд монархистов. — Одесские новости. 1918, 24 (11) июля, № 10750, с. 2.
 11. Монархический съезд. — Возрождение. 1918, 31 (18) июля, № 105, с. 2.
 12. Съезд монархистов. — Южный край. 1918, 21 июля, № 80, с. 3; Съезд монархистов. — Правда. 1918, 21 июля, № 151, с. 3; К съезду монархистов. — Последние новости. 1918, 22 (9) июля, № 5105, с. 2; Съезд монархистов. — Там же. 23 (10) июля, № 5107, с. 2; Съезд монархистов в Киеве. — Вечерние огни. 1918, 24 (11) июля, № 79, с. 2; На съезде монархистов. — Народная мысль. 1918, 12 (25) июля, № 49 (265), с. 3; Съезд монархистов в Киеве. — Приазовский край. 1918, 17 (30) июля, № 97, с. 1.
 13. СКАЛИН О. Монархический съезд. — Народное дело. 1918, 21 (8) июля, № 34, с. 2.
 14. Доклад, сделанный 5 июня 1917 года на съезде консервативных деятелей, проживающих на Украине. Киев. 1918. Не очень понятно, почему в заглавие вынесена ошибочная дата (должно быть — 18 июля 1918 года). Конечно, можно предположить, что участники съезда по какой-то причине хотели запутать читателей, но, учитывая то, что в докладе идет речь про гетмана, т.е. про события 1918 г., появление 1917 г. на обложке следует считать опечаткой.
 15. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины), ф. 1216, оп. 1, д. 258, л. Зоб., 13.
 16. БЕЗАК Ф.Н. Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте. В кн.: Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. / Сост. и ред. А.А. Иванов при уч. С.Г. Зириня. М. 2008, с. 393—399.
 17. Воспоминания генерала Б.С. Стеллецкого о его пребывании в должности начальника штаба гетмана П.П. Скоропадского и событиях на Украине в 1918 г. В кн.: Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сборник документов. М. 2014, с. 690.
 18. Hoover Institution Archives (HIA). P.N. Vrangell collection. Box 41, folder 22. Экстренное сообщение «Аза» от 11 (24) ноября 1918 г.
 19. ЦГАВО Украины, ф. 1216, оп. 1, д. 258, л. Зоб., 13—14.
 20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 71, оп. 35, д. 449, л. 42—70; Доклад, сделанный..., с. 3—31.
 21. РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 449, л. 47; Доклад, сделанный..., с. 8.
 22. О записке и иных доказательствах ее подлинности см.: ИВАНОВ А.А., КОТОВ Б.С. «Предвидение необычайной силы»: о «пророческой» записке П.Н. Дурново. В кн.: Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи. М. 2014, с. 51—57.
 23. ЦГАВО Украины, ф. 1216, оп. 1, д. 258, л. Зоб., л. 6—11об.
 24. Там же, л. 3—4, 67—68об.
 25. Там же, л. 4, 16—43.
 26. Там же, л. 4—4об., 43—46.
 27. Там же, л. 4об., 48.
 28. РЕЙН Г.Е. Из пережитого. 1907—1918. Том второй. Берлин. [1935], с. 286.
 29. Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг. / Сост. Л.А. Лыкова. М. 1998, с. 268—270.
 30. ЦГАВО Украины, ф. 1216, оп. 1, д. 258, л. 5, 48—59.
 31. Там же, л. 59—60.
 32. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-446, оп. 2, д. 43, л. 51.

33. ЦГАВО Украины, ф. 1216, оп. 1, д. 258, л. 5, 60.
34. РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 449, л. 88—90.
35. ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 43, л. 51—52.
36. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 40238, оп. 1, д. 18, л. 26об.
37. ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 43, л. 51—51об.
38. ЦГАВО Украины, ф. 1216, оп. 1, д. 258, л. 60—62.
39. Доклад, сделанный..., с. 32.
40. ЦГАВО Украины, ф. 1216, оп. 1, д. 258, л. 62—65.
41. НИА. P.N. Vangel collection. Box 41, folder 5. Отчет о состоянии правых и монархических организаций и разделение их по ориентациям в городе Киеве по сегодняшнее число 25 октября 1918 г.
42. ЦГАВО Украины, ф. 1216, оп. 1, д. 258, л. 63.
43. Там же, л. 65—66.
44. РЕЙН Г.Е. Ук. соч., с. 286.
45. ЦГАВО Украины, ф. 1216, оп. 1, д. 258, л. 65.
46. Там же, ф. 4401, оп. 1, д. 6, л. 1.